

Линь Цзунцзе явно был сам не свой, но Хань Линь не стал забивать этим голову. Единственное проявление заботы, на которое он сподобился, — не стал будить соседа, когда тот распластался на парте, чтобы заставить его зубрить слова. В глазах Хань Линя этот тип вечно вел себя как ненормальный, так что удивляться тут было нечему. Допив соевое молоко, учебный староста аккуратно отправил бумажный стаканчик в висевший у парты мусорный пакет, достал свежие тесты и принялся за работу.

Стоило Хань Линю взяться за учебу, как он мгновенно уходил в нее с головой. Он словно обладал суперспособностью отключать любые внешние раздражители. Линь Цзунцзе ради интереса подсчитал: помимо конспектов на уроках, на переменах тот умудрился щелкнуть три полноценных теста по математике.

Почерк у Хань Линя был потрясающим — аккуратный, ровный, будто выведенный печатной машинкой шрифтом «Microsoft YaHei». За оформление ему точно никогда бы не снизили ни единого балла. Его работы служили эталоном, на который молилась вся школа.

Раньше Линь Цзунцзе даже подшучивал над ним:

— Погляди на свои каракули. Выписываешь каждую палочку, словно первоклассник. Всё так ровненько. Когда выпустишься и устроишься на работу, люди глянут на твои писания и подумают, что к ним прислали какого-то примерного мальчика-стажера.

В ответ на это наш учебный староста лишь невозмутимо покосился на «президента», вытянул чистый лист бумаги и размашистыми, уверенными росчерками — точь-в-точь в той беглой манере, которой так гордился Линь Цзунцзе, — по памяти записал всю «Песнь вечной обиды». А после просто швырнул листок ему в лицо.

Линь Цзунцзе, хоть и не блистал успехами в учебе, от природы обделен не был. Судьба наградила его отличными физическими данными и легкой рукой: он и бегал быстрее всех, и писал на зависть многим. В Седьмой средней школе о его таланте даже ходила весьма популярная байка.

Рассказывали, что как-то раз глубокой ночью, когда весь учебный корпус Седьмой школы погрузился во тьму, лишь в кабинете словесности одиноко горела лампа. За столом, ссутулившись, сидел пожилой, лысеющий учитель с седой бородой и проверял груды контрольных работ.

Старика только недавно перевели в город из провинциального поселка. В первый же день коллеги из лучших побуждений предупредили его: «В вашем новом классе есть один парень с великолепным почерком, Линь Цзунцзе зовут. Работы у него — загляденье, но вот сочинения — сущий кошмар. Как увидите его фамилию, сразу ставьте ноль и даже не пытайтесь читать, что он там понаписал. Берегите нервы, а то еще инфаркт схватите».

Учитель был в годах, жаловался на сердце и плохое зрение. В поселке, откуда он приехал, уровень образования, может, и хромал, но дети хотя бы старались и писали искренне. А здесь, в Седьмой школе, он проверил уже больше трех сотен работ, и ни одна не принесла ему радости. Почерк у большинства был как курица лапой, а глупейшие ошибки громоздились одна на другую.

Старик вздыхал над каждым вопросом и незаметно для себя позабыл обо всех предостережениях. Когда его красная ручка наконец добралась до последней работы, он замер: безупречно чистый лист, размашистые, полные силы и изящества иероглифы. Учителя охватила надежда — неужели среди этого стада раздолбаев нашелся прилежный ученик?

Но увы...

Не успел он дочитать сочинение даже до середины, как из-за некоторых деликатных проблем со здоровьем спешно ушел на досрочную пенсию.

Поэтому в один из первых дней Хань Линь, едва усевшись за парту, спросил его в лоб:

— Слышал, ты в Седьмой школе довел учителя до инфаркта и досрочной пенсии?

Линь Цзунцзе лишь выдавил:

—...

«Какого черта? Когда это я успел довести бедного старика?»

Правды, конечно, никто не знал. Свалился ли старик от переутомления после бессонной ночи, или его действительно подкосил шедевр Линь Цзунцзе — безумный, бросающий вызов всякому здравому смыслу полет фантазии, — никого особо не волновало. Все просто сошлись на том, что это очередное славное достижение великого «президента» Линя. Самому виновнику торжества было лень докапываться до истины. Собственная репутация его заботила меньше всего, так что он просто махнул на слухи рукой.

С утра и до самого конца последнего урока Линь Цзунцзе только и делал, что наблюдал за чужими успехами. В активе Хань Линя за день значились три письменных разбора поэзии, три пробных варианта по математике, а также три теста по английскому на чтение и лексику. И вишенка на торте — закончив работу, отличник неизменно доставал красную ручку и самолично выводил себе высший балл.

Линь Цзунцзе никак не мог совладать с собой — его так и тянуло пялиться на соседа. В Седьмой школе он бы со свистом проспал с утра до вечера, наплевав даже на обед. А теперь... Стоило опустить голову секунды на три, как он сам собой поворачивался в сторону Хань Линя. Посмотрит — внутри все переворачивается от глухого смятения, и он сердито отворачивается к

окну. Но не проходит и мгновения, как желание взглянуть вспыхивает с новой силой, и он снова косится на отличника.

В итоге «президент» вертел своей тяжелой головой туда-сюда до тех пор, пока у него не заныли шейные позвонки. Мучения прекратил негромкий голос Хань Линя:

— Если тебе солнце в глаза светит, задерни шторы и спи спокойно.

«Вот ведь чистая душа!» — тоскливо подумал Линь Цзунцзе.

Хань Линь и близко не догадывался, какой ураган бушует в мыслях «президента». А тот весь день мучительно размышлял над одной-единственной проблемой:

«Нужно срочно придумать оправдание тому поцелую. Если я присосался к нему без всякой причины, он же решит, что я конченный извращенец! А если этот паршивец еще и нажалуется родителям, отец мне и вторую ногу переломает...»

«Хотя... мы же вроде как друзья. Чего такого в дружеском поцелуе? Помнится, когда мы напивались в хлам с Чэнь Кэ и остальной бандой, то дрыхли без маек вповалку на диване в караоке, обнявшись как родные олимпийские фува. И никто не умер».

«Вот только с Хань Линем мы пока ни черта не кореша».

«Может, соврать, что проиграл в «слабо или не слабо»?»

«Точно! Скажу, что продул в «правду или действие» и по условиям игры должен был поцеловать того, кто сидит справа!»

От этой спасительной мысли Линь Цзунцзе воспрянул духом, а в глазах его вспыхнул азарт. Он вскинул голову и возразил:

— Вообще-то у нас урок идет. Если я задерну шторы, это будет выглядеть слишком нагло.

— ... — Хань Линь на мгновение замер, сомневаясь в адекватности собеседника. Он отложил ручку и медленно повернулся: — То есть при задернутых шторах спать нагло, а с открытыми окнами ты надеешься остаться незамеченным?

— Ну смотри, — Линь Цзунцзе слегка склонил голову, лихорадочно соображая, и тут же выпалил: — Если учитель зайдет и не посмотрит в наш угол, у меня есть шанс остаться незамеченным. А если шторы задернуты, он сразу подумает: «Опа, а чего это там темно?» Глянет сюда — и мне крышка. Это чистая теория вероятности, соотношение один к двум. Тебе, зубриле, не понять.

— Ну конечно, куда уж мне.

— Эй, ты чего вещи собираешь? Опять сваливаешь? Куда это? Зачем?

Хань Линь молча поднялся и застегнул рюкзак. Стоило ему накинуть лямку на плечо, как Линь Цзунцзе мертвой хваткой вцепился в рукав его куртки. От избытка чувств грозный «президент» даже попытался вскочить, но парта была слишком узкой, а его длинные ноги запутались под столом, так что он лишь неловко завис на полусогнутых.

Хань Линь с недоумением посмотрел на его судорожные попытки подняться.

— У меня дела, я еще вчера отпросился у классного. А у тебя что-то стряслось?

— У меня? — Линь Цзунцзе забежал глазами и затараторил, путаясь в словах: — Конечно стряслось! Я тут с одной задачей завис, думал, ты мне на самоподготовке разжуешь.

— Ты решал задачи? — Хань Линь скептически приподнял бровь.

— Вчера вечером решал! Весь день сегодня над ней голову ломал, так и не додумался.

Хань Линь опустил взгляд на пальцы, сжавшие его рукав так сильно, что побелели костяшки. Тот держал его крепко, словно утопающий за соломинку. Хань Линь на мгновение растерялся, не зная, радоваться ли такой внезапной тяге к знаниям или насторожиться. В итоге он мягко предложил:

— Давай завтра разберем, ладно?

— Нет, нельзя завтра! Я и так прошлую ночь толком не спал. Если сегодня не объяснишь, опять глаз не сомкну.

— Но мне правда нужно бежать, — Хань Линь покосился на часы. — Очень срочное дело.

— И что может быть важнее моего образования? — искренне возмутился Линь Цзунцзе.

Хань Линь не выдержал и тихо рассмеялся. Он тепло улыбнулся, и в его взгляде не было ни иронии, ни высокомерия — он смотрел снисходительно, будто старший брат, которого упрямо донимает капризный малыш. В его взгляде читалось отношение как к какому-то неразумному, но чертовски обаятельному щенку, который всю выпрашивает ласку.

— Если задачи слишком сложные, начни с чего-нибудь попроще. У тебя хромает база, так что налегай на формулы и правила. Давай поступим так: я постараюсь освободиться пораньше.

Если к десяти вечера не вернусь — иди домой, не жди. Тогда точно разберем всё завтра.

— Нет. Только сегодня.

—...

Его взгляд выражал предельно ясно: «Да с какого перепугу-то?»

— Короче, ты обязан вернуться сегодня, — упрямо повторил Линь Цзунцзе. — Иначе я опять не усну.

— Ладно, я... постараюсь.

— Не постараюсь, а железно! Кровь из носу!

— Хорошо-хорошо, железно так железно. Я обязательно приду.

Хань Линь попытался высвободить рукав, но хватка Линь Цзунцзе не ослабла ни на йоту. Отличнику оставалось лишь красноречиво изогнуть бровь, без слов требуя: «Отпусти уже».

— Телефон с собой? — спросил Линь Цзунцзе.

— С собой. Если задержусь — наберу тебе.

— Я же сказал: никаких «если». Ты обязан вернуться.

— Да понял я, понял. Обязательно вернусь.

Только после этого Линь Цзунцзе нехотя разжал пальцы:

— И не смей отключать мобильник. Я буду звонить.

Хань Линь опустил взгляд на помятый рукав, бережно расправил ткань ладонью и наконец направился к выходу.

«Он что, совсем с катушек съехал?» — подумал Хань Линь, переступая порог класса.

Луженая глотка Линь Цзунцзе не знала равных. Хань Линь успел дойти до лестничного пролета, когда сверху донесся громоподобный вопль:

— Слышишь, Хань Линь! Я буду звонить! Только попробуй отключить телефон, дурачок!

—... — Хань Линь покачал головой и тихо хмыкнул.

«Больной...» — шепнул он себе под нос, а вслух отозвался:

— Слышу я, слышу.

Но куда его тихому голосу было тягаться с ревом «президента». Линь Цзунцзе, решив, что его проигнорировали, высунулся в окно. Стоило Хань Линю спуститься на пролет ниже, как прямо над ухом снова гроыхнуло:

— Хань Линь! Эй, глупый! Ты меня слышишь вообще?!

— Да слышу я, слышу! — Хань Линь задрал голову и обнаружил, что Линь Цзунцзе умудрился высунуться из окна четвертого этажа чуть ли не по пояс, напряженно вглядываясь вниз. Отличник помахал ему рукой и изо всех сил закивал, надеясь, что хотя бы этот жест успокоит неугомонного соседа.

<http://bllate.org/book/18229/1753335>